

Не говоря уже о других, Цзи Хун хотел занять место Чжань Юаньцю и стать учеником Достопочтенного Омывающего Меча, поэтому ему, естественно, нужно было устранить главного соперника.

Размышляя об этом, Цзи Хун вдруг заметил, что его подчинённый не ушёл, а его взгляд блуждал, словно он хотел что-то сказать. Цзи Хун нахмурился:

— Что случилось?

Человек, находящийся под контролем гипноза Цзи Хуна, был в здравом уме, но всегда считал Цзи Хуна своим хозяином. Этот культиватор помедлил некоторое время, прежде чем с запинкой произнёс:

— Я считаю, что помимо Чжань Юаньцю, есть ещё один человек, заслуживающий внимания.

Затем он рассказал о том, как Чэнь Хэ вышел на арену и сражался с Чжань Юаньцю в течение получаса, подчеркнув, что Чэнь Хэ сражался голыми руками, словно он достиг Дао через боевые искусства. Его приёмы были лишены всякой изысканности, каждый удар был направлен в смертельные точки, а его истинная суть и духовная энергия излучались наружу, контролируясь с невероятной гибкостью. В конце он упомянул о множестве фонарей, которые таинственным образом погасли...

Сначала Цзи Хун просто хмурился, но чем больше он слушал, тем больше его охватывал ужас, и одно имя уже готово было сорваться с его губ.

— ...Нет, это невозможно!

Даже если Чэнь Хэ приехал в столицу из провинции Юйчжоу, но Чжань Юаньцю находился на поздней стадии Золотого Ядра, как Чэнь Хэ мог победить его?

В прошлой жизни Цзи Хун знал только о Восьмихвостом Лисе, но не знал, что у него был осколок малого мира. Он никак не мог понять, что происходит.

— Переменная, чёрт возьми, где же произошла эта переменная?

Цзи Хун с яростью ударил по столу, с тревогой размышляя.

Самая большая разница между прошлой жизнью и нынешней заключалась в том, что Огонь в камне не вспыхнул в провинции Юньчжоу, но на самом деле всё было связано с Кровавым Демонем Ши Фэном. Когда Чэнь Хэ было девятнадцать лет и он жил в окрестностях Пустыни Красных Ветров, рядом с ним не было и следа Ши Фэна.

— Возможно, он получил какое-то духовное лекарство или нашёл удачный шанс.

С ненавистью подумал Цзи Хун и приказал подчинённому:

— Чэнь... раз тот человек вышел на арену и провёл там много времени, вероятно, он тоже подвергся воздействию «Скрытого аромата крыльев». Немедленно найдите его... Нет, сначала посмотрите, один ли он. Если рядом с ним никого нет, не докладывайте, убейте его любой ценой!

— Приказано!

Огни сияли ярко, и, покинув Великий храм Баого, в восточных и западных кварталах было ещё много мест, которые стоило посетить.

Фонари начали зажигать с шестого дня первого месяца и продолжали до семнадцатого, без ночного запрета. Это было так называемое процветание эпохи, когда люди веселились до рассвета.

Чэнь Хэ, будучи культиватором, мог не спать несколько месяцев без проблем. Чем глубже ночь, тем меньше людей на улицах, и тем приятнее было гулять. Его настроение становилось всё лучше.

Когда на востоке появились первые проблески рассвета, Чэнь Хэ сидел в маленькой чайной на улице.

Напротив находилась сцена для разгадывания загадок фонарей, а на столе лежали кунжутные конфеты, арахисовые конфеты, гороховое печенье и сушёные фрукты.

Когда Ши Фэн вернулся и принёс ему миску горячих сладких шариков, Чэнь Хэ начал есть.

— Всё в порядке?

— Мм... — Чэнь Хэ, пережёвывая еду, невнятно ответил:

— Всё в порядке, прошла уже целая ночь, а Огонь в камне спит и не подаёт признаков жизни. Возможно, когда я вышел на арену, я слишком долго использовал истинную суть, и это его разбудило. При разрушении мира Огонь в камне потратил слишком много сил, и теперь он пытается поглотить обычный огонь, вероятно, он просто оголодал.

—

Кровавый Демон, внушающий страх всему миру культиваторов, начал размышлять над странным вопросом: что делать, если Истинный огонь самадхи голоден? Он просто накормил своего младшего брата сладкими шариками, но это никак не решило проблему голода Огня в камне в его даньтяне.

— Твоё состояние сознания довольно хорошее, но истинной сути слишком мало. — Вздохнул Ши Фэн.

Чэнь Хэ не поднял головы, он и сам это знал.

Но что поделаешь? Его истинная суть и духовная энергия либо уходят на питание Огня в камне, либо расходуются в боях с чудовищами. Уже сорок лет он находится в таком состоянии недостатка и никак не может накопить достаточно.

Он привык!

— Другие, достигнув твоего уровня, боятся есть слишком много духовных лекарств, опасаясь, что их меридианы взорвутся, или что их сила резко возрастет, а сознание не поспеет, что приведёт к ухудшению. А вот ты...

Ши Фэн рассмеялся, глядя на то, как Чэнь Хэ продолжает есть сладкие шарики, не обращая внимания на его слова, и шлёпнул младшего брата по голове.

Неожиданно Чэнь Хэ был совершенно не готов, и его лицо чуть ли не уткнулось в миску.

—

Чэнь Хэ медленно поднял голову, а кусочки зелёного лука и бульон разбрызгались по его носу и щекам.

Ши Фэн на мгновение замер, а затем усмехнулся.

Он был культиватором и мужчиной, у него не было привычки носить с собой платок. Поэтому он снова протянул руку, чтобы стереть с лица Чэнь Хэ всё, что на него попало.

Кожа на ощупь была тёплой, словно обладала какой-то необъяснимой притягательностью.

Ши Фэн непроизвольно замедлил движения, осторожно проводя пальцами, стирая каждый крошечный кусочек лука, от носа до уголков губ, словно он не просто убирал остатки еды, а нежно касался лица младшего брата.

Выражение лица Чэнь Хэ тоже стало немного странным и загадочным.

Пальцы старшего брата, скользящие по его носу, нарушили его дыхание, а когда их кончики случайно коснулись его губ, он едва не вздрогнул всем телом.

Чэнь Хэ не знал, сколько сил ему понадобилось, чтобы успокоить бурю в своём сердце.

Рука старшего брата всё ещё здесь, он коснулся уголка его губ.

Чэнь Хэ, боясь, что его глаза выдадут слишком много эмоций, быстро закрыл их, чуть ли не начав мысленно повторять мантру Школы Бэйсюань для успокоения сердца.

Все места, которых касались пальцы старшего брата, слегка горели, и если бы они действительно обнялись, ощущения не были бы такими таинственными и невыразимыми.

Это было всего лишь лёгкое, едва заметное прикосновение.

Каждая рябь была крошечной, но она расходилась кругами в его сердце, питая невысказанные мысли о любовном бедствии.

— Готово.

—

Чэнь Хэ открыл глаза и увидел, что Ши Фэн рассеянно смотрит на фонарь, висящий снаружи чайной, и зовёт слугу, чтобы тот принёс горячее полотенце, а затем вытирает им руки.

Это всего лишь вытирание лица, разве старший брат не делал этого раньше?

Чувствуя, что он слишком много надумал, Чэнь Хэ немного расстроился, но в то же время в нём была скрытая радость.

Память для Чэнь Хэ была сокровищем, которое он мог пересматривать бесконечно, каждая деталь оставалась с ним навсегда.

Тайно решив, что после возвращения он выделит этот момент в отдельное воспоминание, Чэнь Хэ рассеянно схватил ложку и снова опустил голову...

— О чём ты думаешь? Ты уже всё съел, а всё ещё черпаешь?

Ши Фэн, сдерживая своё беспокойство, обернулся и увидел, что его младший брат смотрит в пустоту, держа ложку, и дважды помешивает ею в миске, а затем подносит ко рту.

В миске остался только бульон, и даже кусочки лука исчезли... (хотя они все были на его лице).

Чэнь Хэ смущённо остановился, только теперь вспомнив, что нужно осмотреться вокруг. В чайной всё ещё было шумно, люди отдыхали после долгой прогулки, некоторые уже начали зевать и прощаться, а пьяные пили крепкий чай, чтобы протрезветь, и говорили глупости.

Никто не обратил внимания на то, как Ши Фэн вытирал с лица Чэнь Хэ бульон и лук.

Чэнь Хэ почувствовал небольшое облегчение.

Ши Фэн использовал Искусство отвода глаз, которое не действовало на них самих, но в глазах других это выглядело так, будто два мужчины средних лет совершали странные действия, а затем один из них глупо черпал пустой бульон и подносил ко рту.

Чэнь Хэ положил ложку, чувствуя себя неловко.

В юности он мог смотреть на Ши Фэна, мокрого и в красной одежде, и читать: «На горе Миаогуе живёт божественный человек», или «Ветер шумит, деревья шелестят, я думаю о тебе, но напрасно страдаю», потому что он был наивен и не понимал глубокого смысла этих слов. Он просто чувствовал, что эти строки описывают кого-то, кто не похож на обычных людей, и что его старший брат прекрасен и подходит этим прекрасным словам, поэтому он произносил их.

Теперь он знал, что такое любовь и тоска, но больше не мог произнести эти слова.

Он чувствовал, что те, о ком говорилось в этих строках, будь то божественные люди или горные духи, не могли сравниться с Ши Фэном в его глазах.

Для других любовь была чем-то, чего они никогда не знали, но когда они узнавали, это становилось болезнью.

Чэнь Хэ же никогда не знал, что такое любовь, пока не столкнулся с любовным бедствием, и он не боялся тоски — ведь тот, кого он любил, был прямо перед ним, и ему не нужно было мучиться, переживая в мыслях. Он просто боялся, что его старший брат подумает, что он всё ещё наивен, и не воспримет его чувства всерьёз, а просто посмеётся.

— Старший брат...

Чэнь Хэ долго колебался, но, подняв голову, обнаружил, что перед ним никого нет.

Он замер, быстро посмотрел вперёд и увидел, что Ши Фэн просто отнёс пустую миску к продавцу сладких шариков у входа в чайную.

В свете фонарей, среди толпы, тот, кого он искал, был так ярок и заметен.

Когда Ши Фэн вернулся, он увидел, что его младший брат сидит на стуле, опустив глаза, с внутренним светом, окружённый потоками чистой энергии, невидимыми для обычных глаз.

Неужели он что-то осознал, и его состояние сознания улучшилось?

Ши Фэн не знал, смеяться ему или плакать. В чайной, в центре шумного города, о чём он вообще размышлял?

Теперь они не могли уйти. Ши Фэн позвал слугу, оплатил чай и угощения, дал чаевые и попросил не беспокоить их.

<http://bllate.org/book/16345/1477386>